

L. Yu. Dudchenko (Pskov) A CROSS-CULTURAL CONSIDERATION OF NAMING RUSSIAN ICONS IN ENGLISH

The author considers issues related to the names of Russian icons and their translation into English, analysing the inconsistencies revealed.

Л. Ю. Дудченко (Псков)

**АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ РУССКИХ ИКОН
В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Возрождение православной традиции в России, воссоединение Русской Православной и Православной Зарубежной церквей, онтологическая «ревизия» эпохи постмодернизма с её поиском духовного смысла и смысла вообще привели к широкому межконфессиональному диалогу, который выявил существенные пробелы в лексикографическом описании реалий православной жизни. В частности, наименования русских икон, в дальнейшем именуемых *эйконимами* (от греч. *eikon* – образ), представлены в лексикографических источниках либо скудно, либо отсутствуют. Между тем, по словам С. С. Аверинцева (1988: 13), икона представляет собой «философское осмысление бытия», и изучение текста иконы, в широком понимании как интеграции наименования как такового, титлов (надписей внутри иконы) и образного текста, могло бы способствовать более плодотворному общению между конфессиями.

Проблема поиска англоязычных соответствий православной лексике была озвучена после распада СССР, когда английский язык приобретал статус языка мирового общения (Кабачки 2001: 86). По мнению Г. Н. Скляревой, религиозную лексику можно отнести к разряду 'вернувшейся'; она, несмотря на прерванную религиозную традицию и вопреки ей, законсервировалась, и её современное состояние можно описать словами Н. А. Бердяева: «Точно оно [православие] не заметило, что мир изменился и что нужно определить своё отношение к этому изменению».

Следовательно, православная лексика может служить основанием для анализа религиозного опыта русского народа, а так как русская культура длительное время была православной, то и культурного опыта народа в целом. Икона воплощает основные принципы православного вероучения и отражает православную концептосферу русского народа. Анализ *эйконимов*, как русскоязычных так и англоязычных, предоставляет возможность восстановить историческое прошлое этноса, его нравственные идеалы и ценностные ориентиры, философию и психологию народа. По мнению В. Гумбольдта, «языки, собственно, суть

средства не изображения уже познанной истины, а намного более того, – открытие ещё дотоле непознанного. Различие между ними заключается не в звуках и знаках, а в мировидении как таковом...»

Язык, благодаря функциональному дуализму (Кабакчи 2005: 64), может служить для описания как внутренней, своей культуры, так и культуры другого языка, т. е. внешней. Соответственно, язык может отражать особенности концептуализации в пределах своего культурного пространства, так и культурного пространства другого языка. Особенностью англоязычных эйконимов является то, что, с одной стороны, они вербализуют общехристианские концепты, а, с другой стороны, в их структуре присутствуют идиоэтнические элементы, которые нередко нивелируют важные аспекты православного компонента. При ориентации на внешнюю культуру язык становится средством вторичной номинации.

При анализе эйконимов необходимо учитывать тот факт, что православие долгое время развивается в едином христианском континууме. Основные догматические и канонические принципы были сформулированы на семи Вселенских Соборах, в частности, догмат иконопочитания был принят на Седьмом Вселенском Соборе, который сформулировал правила передачи Божественного языка с помощью языка человеческого посредством образа. После длительных иконоборческих споров, основанных на аргументации Второй заповеди Ветхого Завета «Не сотвори себе кумира», на соотношении образа и Первообраза, икона была признана живописным Евангелием, в котором Логос, как вторая ипостась, стал плотью. Основные принципы иконопочитания и сюжеты были сформулированы до раскола Церкви в 1054 году на Западную и Восточную, что объясняет совпадение большинства иконографических сюжетов и догматических оснований. Но в дальнейшем церковное творчество обеих церквей следовало разными путями, в том числе в области иконографии, и в настоящее время, несмотря на наличие ряда общих догматических положений, можно обнаружить несоответствия, которые указывают на различия в концептуализации у представителей англоязычной и русской культуры.

Под концептуализацией мы понимаем осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию

представлений о мире в виде концептов. По мнению А. Вежбицкой, языковая концептуализация как совокупность приемов семантического плана содержания лексических единиц, очевидно, различна в разных культурах (1997). В рамках данной статьи представляется закономерным придерживаться определения концепта, данного С. Г. Воркачевым: «Концепт – единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченное этнокультурной спецификой» (2003).

Необходимо учитывать и тот факт, что восприятие иконы в русской и англоязычной культурах различно, что отражено в многочисленных публикациях. Так, в энциклопедии «РЕЛИГИЯ», Большой Советской Энциклопедии, энциклопедии «КРУГОСВЕТ» икона в христианстве обозначает название живописных изображений Иисуса Христа, Богородицы и святых, имеющих священный характер и служащих предметом религиозного чествования как образы, которые возводят мысль и чувство молящихся к изображаемому (Энциклопедия «РЕЛИГИЯ»).

Словарь Collins Cobuild Dictionary for Advanced Learners (CCDAL) даёт два варианта написания слова «икона»: “Icon, ikon” и следующие значения:

- *if you want to describe something or someone as an icon, you mean that they are important as a symbol of a particular thing;*
- *a picture of Christ, his mother, or a saint painted on a wooden panel;*
- *a picture on a computer screen representing a particular computer function (CCDAL).*

Неудивительно, что зачастую употребление слова *icon* в английском языке соотносится с первым значением, данным в словарной статье, со значением «символ». К иконам Англии относят Биг Бен, Роллс Ройс, «ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ» Джейн Остин: *Icons of England – Big Ben, Rolls Royce, Pride and Prejudice* (www.icons.org.uk).

Как видим, концептуальное пространство, соотносимое с понятием «икона» может характеризоваться определённой асимметрией в русском и английском языках, тяготея в русском языке к обозначению сакрального изображения, а в английском

языке – к обозначению символа или значка на компьютерном дисплее.

Нельзя не отметить определённый интерес к иконе на Западе. Традиционно он носил скорее художественный характер, как дань высокому мастерству неизвестных русских иконописцев. Считается, что начало этому интересу было положено Анри Матиссом, который на выставке старинных русских икон в Москве в 1911 году увидел глубину эстетического восприятия древних иконописцев. Многочисленные сайты аукционов икон в Интернете говорят о непреходящем интересе к иконе как в нашей стране, так и за рубежом. Однако нельзя не отметить, что в ходе истории на Западе и Востоке складывалось различное отношение к иконе. Для православных икона – «библия для неграмотных», «умозрение в красках» (Е. Н. Трубецкой), «костыль духовности» (П. А. Флоренский). Икона – составная часть предания и литургии Церкви, она занимает центральное положение в сотериологии (учении о спасении) и православной эстетике (как указание на высшую небесную красоту).

Такое понимание иконы на Западе можно обнаружить только у специалистов, подробно занимающихся русской иконой. Типичное отношение к иконе было другим: *flat and ugly... not better than gilded gingerbread*, – приводит Орландо Файджес мнение одного иностранца о русской иконе (Figs 2003: 11). А вот мнение современника: *the icon is meant to put us into a prayerful frame of mind <...> the reminder of the events in the Bible, the life of Christ or the Saints* (Wahba 1993).

Интересным представляется высказывание директора библиотеки Конгресса США Дж. Биллингтона из его книги “*ICON AND AXE*”, вышедшей в США в 60-х годах и переведённой на русский язык в 2001 году. При всех достоинствах этой книги нельзя не отметить несколько положений, которые у русскоязычного читателя могут вызвать недоумение. К примеру: «Сопряжённость борьбы за материальное начало и торжество духа в Древней Руси лучше всего демонстрируют два предмета, традиционно висевшие рядом на стене в красном углу каждой крестьянской избы: топор и икона» (Биллингтон 2001: 56). Бесспорно, икона и топор вместе складываются в яркий и доступный образ, но эта онтологическая оппозиция не имела ничего общего с реальной действительностью. Топор традиционно лежал под лавкой при входе возле печи

(Лепяхин 2005: 463). Следующая цитата взята из другой книги Дж. Биллингтона *“FACES OF RUSSIA”* «Лики России», в которой автор описывает известную икону Спаса из звенигородского чина преподобного Андрея Рублева: «Строгий и до той поры считавшийся каноническим византийский образ здесь имеет слегка отвлечённый характер, придающий Христу сходство с древним языческим хранителем домашнего очага – домовым. Тем не менее Христос наделен узнаваемыми чертами обычного человека, но не из этого мира. Он смотрит куда-то вдаль, а не прямо на нас. Глаза Христа приглашают к созерцанию, но никак не к диалогу» (Биллингтон 2001). Подобное описание Спаса обнаруживает поверхностное знание канонов иконописи и семантики иконы в целом.

Проанализируем наименования иконы *«СПАС НЕРУКОТВОРНЫЙ»*, которая считается истинным воплощением второго лица Троицы в человеческом образе и, в более узком смысле, основным свидетельством в пользу иконопочитания, так как считается, что это изображение появилось при жизни Христа. Это оглавный тип изображения Иисуса Христа, восходящий ко времени его проповеднической деятельности, когда слава его дошла до царя Эдессы Авгаря Чёрного, страдавшего от неизлечимой болезни. Когда посланный им к Иисусу художник Анания не смог изобразить его, Иисус приложил полотенце (убрус) к своему лицу, и на полотнце чудесным образом отобразился его лик, дав название изображению Христа – *«СПАС НА УБРУСЕ»*. Впоследствии, во время нашествия язычников, убрус был помещен в кирпичную стену над городскими воротами, и лик Христа появился на кладке и получил название *«СПАС НА ЧРЕПИИ»*. Перенесен в 944 г. в Константинополь и утрачен в 1204 г. после нашествия крестоносцев.

Эйконом *«СПАС НЕРУКОТВОРНЫЙ»* в обнаруженных источниках переводится так:

“THE HOLY FACE” «святое лицо», «святой лик» – вариант, в котором утрачивается значение спасения (www.orthodoxchurch.com).

“THE HOLY TOWEL” «святое полотенце», «святое покрывало» – вариант, в котором сохраняется идея «убруса» (полотенца, на котором чудесным образом отпечатался лик Христа), но, как и в предыдущем варианте, отсутствует значение спасения, жертвенности (www.orthodoxchurch.com).

“THE HOLY NAPKIN” «святая салфетка» (www.comeandseeicons.com). Явный случай пейоративного использования лексико-

семантического варианта. Профанный вариант, лишенный fasciniрующего (внушающего) воздействия на адресата, искажает вероучное значение русскоязычного эйконима. Нельзя в данном случае не согласиться с мнением Н. Б. Мечковской о том, что искажение сакрального текста кощунственно и опасно для верующей души (Мечковская 1988).

“SAVIOR”, “REDEEMER” «спаситель». Оба варианта вербализуют догмат спасения, но семантика чуда остаётся нереализованной.

“VERNICLE” «плат Вероники». Значение этого эйконима восходит к изображению Иисуса Христа, которое чудесным образом отпечталось на платке, поданной ему женщиной по имени Вероника, во время его скорбного пути на Голгофу. Это западный вариант изображения Иисуса Христа в терновом венце. В православной традиции подобное изображение появилось в XVIII веке, и описывает последний день земной жизни Христа. Примечательно, что вариант *vernicle* появился в словарном составе английского языка от латинского варианта *vera iconica*, что означает «истинный образ». Плат Вероники хранился в Риме; паломники покупали эмблемы-нашивки с вероникой, отправляясь к святым местам. У Дж. Чосера в Кентерберийских рассказах можно найти строку: *a vernicle had he sewn upon his cap*.

Энциклопедия WIKIPEDIA даёт следующие варианты эйконима «СПАС НЕРУКОТВОРНЫЙ»: *Acheiropoietia* (Greek *αχειροποίητα*), буквально «нерукотворный», к которому относит *the Image of Edessa* (Эдесский Образ) или *Mandylion*, почитаемый Восточной православной церковью, и *Veil of Veronica* (Плат Вероники), прославляемый на Западе (en.wikipedia.org).

Mandillion Portrait of Christ the “SAVIOR NOT MADE WITH HANDS” (Hamilton 1983: 114) представляет эйконим «СПАС НА УБРУСЕ» и хотя максимально полно передает объём православного эйконима, кажется громоздким, лишенным поэтического звучания русского варианта.

В целом, необходимо отметить, что источники англоязычных эйконимов представлены достаточно широко в виде сайтов электронных аукционов, туристических путеводителей, сайтов православных приходов за рубежом, изданиях по истории и культуре России. Однако далеко не все англоязычные эйконимы передают особенности русскоязычного оригинала.

Анализ англоязычных эйконимов выявил следующие несоответствия:

1. Семантические несоответствия. К примеру, эйконим «СРЕТЕНИЕ» в некоторых источниках представлен вариантом перевода “*CANDLEMAS*”. Значение этого праздника в англоязычном варианте восходит к древнееврейскому празднику светильников, процессии, движущейся в сторону храма. Другой вариант “*PURIFICATION OF THE VIRGIN*” связан с традицией очищения, прихода женщины в церковь на сороковой день после рождения младенца. В семантике этих эйконимов полностью отсутствует указание на знаменательную встречу Богоприимца Симеона и Богомладенца, Ветхого и Нового Завета, «старой истории человечества с новой» (Воскобойников 2007: 45), что нивелирует духовное содержание праздника.

2. Исторические несоответствия. К ним можно отнести те случаи, когда хронологически несовпадающие иконографические типы и соответствующие им эйконимы «СПАС НА УБРУСЕ» и «СПАС НА ЧРЕПИИ» представлены одной номинацией – *Savior*. Это значительно обедняет вариант перевода и нивелирует семантически важные детали, относящиеся ко времени почитания «СПАСА НА УБРУСЕ» как священного изображения, помещенного над воротами в город Эдессу и впоследствии чудесным образом отпечатавшегося на глиняной кладке (чрепии).

3. Семиотические несоответствия. Наблюдаются в тех случаях, когда семантизация на уровне знака шире, чем вербальная. Утраты на уровне знака часто наблюдаются на уровне гипо-гиперонимических отношений. Так, эйконим *the Mother of God* используется для описания Богородицы Одигитрии, что является лишь одним из многочисленных иконографических изображений матери Христа. Вряд ли это можно считать догматическим несоответствием, но утрата значения путеводительницы (греч. *Odigitria*) значительно обедняет семантику англоязычного эйконима.

4. Догматические несоответствия, которые встречаются при замене православной терминологии на терминологию другой конфессии. Так, «СОШЕСТВИЕ ВО АД» зачастую переводится как “*DESCENT INTO LIMBO*”, где *limbo* (от лат. *limbus* «граница», «край») –

чистилице, термин из словаря римско-католической церкви, изначально означавший место на краю ада для душ некрещёных младенцев. В современной католической теологии это место очищения, временных загробных страданий, где с помощью индульгенции можно получить послабление. В православной теологии понятия чистилица и индульгенции не существует. Ад – это место, где душа ожидает Страшного суда и решения своей вечной участи.

5. Стилистические несоответствия. Так, в результате метонимического переноса эйконом *«ПОКРОВ БОГОМАТЕРИ»* (*покров* – как *мафорий* (плат) Богоматери и как идея заступничества за род человеческий), расширяет своё семантическое поле, в то время как в семантике соответствующего англоязычного эйконима – *“THE INTERCESSION OF THE MOTHER OF GOD”* – значение предстояния присутствует, но стилистическую окраску эйконом утрачивает.

При переводе эйконов особое значение приобретает визуальная экспликация (Кабакчи 1998: 49). Переводческие трудности легко снимаются при наличии изображения в таких случаях как *“CHRIST PANTASCATOR”* «Господь Вседержитель» – вариант, употребленный для перевода эйконима «СПАС В СИЛАХ». Необходимо отметить, что эйконом «СПАС В СИЛАХ» в обнаруженных источниках передается как *“CHRIST IN MAJESTY”*, *“CHRIST IN GLORY”*, что скорее можно перевести как «СПАС ВО СЛАВЕ». Эти варианты, без сомнения, вербализуют основное духовное содержание этого иконографического типа, где Христос представлен во всей полноте его силы и славы, как владыка всего видимого и невидимого мира, как он был представлен в описании Иоанна Богослова. Но ни один из предложенных вариантов не семантизирует важный компонент значения данного эйконима, связанного с изображением небесных сил в мандорле (овале), а именно изображение ангельских чинов – *сил*, представленных в виде крыльев с глазами и *престолов*, в виде ободьев с крыльями и глазами. Вместе с господствами и властями силы составляют вторую триаду в иерархии ангельских чинов. Согласно Дионисию Ареопагиту силы являются проводником Божественного озарения, воли Божьей. Отсутствие семантизации существенного элемента значения эйконима представляется утратой.

Анализ представленных англоязычных эйконимов свидетельствует о том, что в рамках единого христианского континуума у русской и англоязычной культур формируется разное концептуальное пространство. При межъязыковом сопоставлении англоязычных эйконимов в их структуре обнаруживается устойчивое соотношение христианского и идиоэтнического православного компонентов. Догматические искажения, замена сакральной лексики профанной, православной терминологии на католическую/или протестантскую, исторические несоответствия могут исказить значение православного компонента, и тем самым привести к существенным онтологическим расхождениям.

Перевод названий православных икон требует внимательного лингвистического и богословского анализа, поскольку названия икон принадлежат к сакральной лексике и, по мнению русских философов-имеславцев С. Н. Булгакова, А. Ф. Лосева и П. А. Флоренского, несут божественную энергию.

Говоря о значении иконы в современном мире, стоит упомянуть слова известного богослова Л. А. Успенского о том, что в иконе «выступает со всей наглядной убедительностью расхождение между учением и духовной жизнью православия и западных исповеданий» (Успенский 1989: 474). По мнению Л. А. Успенского, в наше время «вопрос образа приобретает решающее значение и в плане вероучебном, и в плане духовной жизни» (Успенский 1989: 474). Понимание иконы может способствовать пониманию основ православия и, как результат, более широкому конфессиональному диалогу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Красота как святость. – Курьер (журнал ЮНЕСКО). – 1988, июль. – С. 13.
2. Бердяев Н.А. Речь на открытом собрании Религиозно-философской академии. – Париж: 1932.
3. Биллингтон Дж. Х. Икона и топор. – Москва: 2001. – 56 с.
4. Биллингтон Дж. Х. Лики России. Страдание, надежда и созидание в русской культуре. – Москва: 2001. – 61 с.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – Москва: 1997.
6. Воркачев С. Г. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2003. – Т. 17, Вып. 2. – С. 268-276.

7. Кабакчи В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб.: РГПУ ти.А.И.Герцена, 1998. – 49 с.
8. Кабакчи В. В. Православная тема в англоязычном межкультурном общении (Постановка проблемы). – Иностранные языки в школе. – 2001. – № 1. – С. 86.
9. Кабакчи В. В. Функциональный дуализм языка и языковая конвергенция (опыт моделирования языковой картины земной цивилизации) // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Текст и перевод в когнитивном аспекте: сб.ст. к юбилею проф. Н. А. Кобриной. – СПб.: Тригон, 2005. – Ч. 2. – С. 164-175.
10. Лепяхин В. В. Икона и иконопочитание глазами русских и иностранцев. – Москва: Паломникъ, 2005.
11. Мечковская Н. Б. Язык и религия. – Москва, 1998.
12. Скляревская Г. Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XX столетия: состояние, проблемы, перспективы. – Исследования по славянским языкам. – №6. – Сеул, 2001. – С.177-202.
13. Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. – Париж, 1989. – С. 447-474.

ИСТОЧНИКИ

1. Collins Cobuild Dictionary for Advanced Learners. 4th edition. – Harper Collins Publishers, 2003.
2. Figes Orlando. Natasha's Dance. A Cultural History of Russia. – 2003. – 11 с.
3. Hamilton G. H. The Art and Architecture of Russia. – New Haven & London: Yale University Press, 1983. – 114 с.
4. (www.comeandseeicons.com).
5. (www.icons.org.uk).
6. (en.wikipedia.org).
7. (www.krugosvet.ru).
8. (www.bse.sci-lib.com).

Получено 22.09.2008

Дудченко, Людмила Юганесовна – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии и перевода Псковского вольного университета.